

ЕГО ХОЗЯЙКА НА МОИХ УСЛОВИЯХ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МАРИ ЛЮБРОН

18+

МАРИ ЛЮБРОН

Его Хозяйка на Моих Условиях

«Автор»

2026

ЛЮБРОН М.

Его Хозяйка на Моих Условиях / М. ЛЮБРОН — «Автор», 2026

Чтобы отшить высокопоставленного чиновника, который не понимал слова «нет», я пошла на крайние меры. Предложила ему стать моим псом у ног с ошейником на шее. Это был глупый, отчаянный блеф. Я никогда в жизни никем не командовала и ничего не знала о теме подчинения. Я просто хотела, чтобы он испугался и исчез. Но он вернулся. С коротким согласием на экране. И теперь мне приходится на ходу учиться искусству власти, прятать растерянность и принимать по утрам мужчину, который готов исполнять мои самые смелые фантазии, о существовании которых я даже не догадывалась.

© ЛЮБРОН М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

МАРИ ЛЮБРОН

Его Хозяйка на Моих Условиях

Глава 1

Предупреждение об отказе от ответственности

Настоящее произведение является художественным вымыслом.

Все упомянутые в книге имена, персонажи, организации, административные округа, государственные структуры, инспекции и происходящие события являются плодом авторского воображения либо используются исключительно в художественном контексте. Любое сходство с реальными физическими лицами — живыми или умершими, — а также с действующими государственными служащими, сотрудниками мэрий, префектур, комитетов или министерств является случайным и непреднамеренным.

Автор не ставит своей целью дискредитацию государственных органов или институтов власти. Произведение исследует исключительно психологические аспекты человеческих взаимоотношений, природу власти, личные границы и сложную динамику между людьми.

Дождь в Вальере начался ещё в три часа пополудни — мелкий, липкий, почти невидимый. Он не падал, а висел в воздухе, забирался под воротники прохожих и превращал серый известняк старых кварталов в мокрый сланец.

К семи вечера в нашем небольшом полуподвальном кафе на углу площади оставалось двое посетителей. Студент с юридического факультета уже второй час гипнотизировал раскрытый конспект, словно рассчитывал одним взглядом загнать в голову весь гражданский кодекс. У окна пожилая дама делила миндальное печенье со своей болонкой, хотя минут десять назад уверяла меня, что собака сидит на строгой диете.

Я вытерла белым полотенцем медный кран кофемашины, убрала за стойку пустые соусники и посмотрела на часы над дверью подсобки.

Ещё двадцать минут.

Потом можно будет закрыть кассу, вымыть пол, снять пропахший кофе форменный фартук и подняться к себе — в маленькую квартиру на четвёртом этаже соседнего дома. Заварить чай, включить старый детектив и провести остаток вечера в тишине, где никто ничего от меня не хочет.

Такие вечера меня устраивали.

Я вообще давно научилась ценить вещи, которые не преподносят сюрпризов: точно отмеренный кофе, исправный замок и людей, уходящих тогда, когда им говорят, что заведение закрывается.

Колокольчик над входной дверью звякнул, впуская порцию сырого сквозняка.

Я не повернула головы от раковины.

— Добрый вечер. Мы закрываемся через пятнадцать минут. Кофе только с собой.

— Двойной эспрессо. Без сахара. И стакан воды без газа, пожалуйста.

Голос был низким, ровным и настолько уверенным, будто пятнадцать минут до закрытия являлись не предупреждением, а пустой формальностью, которую сейчас отменят ради него.

Я положила полотенце и обернулась.

Перед стойкой стоял мужчина лет сорока пяти. Высокий, широкоплечий, в строгом пальто цвета мокрого графита. Под расстёгнутым воротом виднелись белая рубашка и тёмно-синий шёлковый галстук. Короткие волосы, первая седина на висках, гладко выбритый воле-

вой подбородок. Серые глаза смотрели прямо и спокойно — так смотрят люди, которым редко приходится повторять сказанное дважды.

Дорогая ткань. Ручная строчка на лацканах. Часы без выставленного напоказ логотипа, но стоимостью в несколько моих годовых зарплат.

Я когда-то слишком хорошо разбиралась в подобных мелочах. Теперь предпочитала делать вид, что не замечаю их.

— В керамику или в бумажный стаканчик? — спросила я, берясь за холдер.

— Если позволите, я выпью здесь.

Он произнёс это вежливо, однако уже снял перчатки и сел на высокий стул у края стойки. На дерево лёг тонкий кожаный картхолдер, рядом — тяжёлые автомобильные ключи с неприметным брелоком.

Я едва заметно усмехнулась и повернулась к кофемашине. Засыпала свежий помол, провела пальцем по краю холдера, прижала кофе темпером. Машина зашипела, выпуская пар, и густая тёмная струя потекла в нагретую чашку.

Мужчина наблюдал за моими руками.

Не за витриной, не за часами, не за залом — за руками.

Я поставила перед ним чашку на блюдце и стакан воды.

— Два евро сорок центов, пожалуйста.

Он достал из картхолдера купюру в пятьдесят евро и положил её на стойку.

— Оставьте сдачу себе. За доставленное неудобство перед самым закрытием.

Когда-то подобные жесты должны были производить на меня впечатление. Возможно, он рассчитывал именно на это: крупная купюра, спокойный взгляд, небрежное великодушие человека, для которого сорок семь евро ничего не значат.

Я открыла кассу, отсчитала сорок семь евро шестьдесят центов и аккуратными стопками выложила монеты на блюдце.

— Благодарю вас, но у нас не принято оставлять чаевые, в двадцать раз превышающие стоимость заказа. Заберите, пожалуйста.

Его пальцы замерли на ручке чашки.

Он посмотрел сначала на монеты, потом на меня. В серых глазах мелькнуло не раздражение — скорее удивление, которое мужчина тут же спрятал за прежним невозмутимым выражением.

— Вы очень строги к правилам, — заметил он. — Редко встретишь такую непреклонность в конце рабочего дня.

Я взяла сухое полотенце и вернулась к поддону.

— Это не строгость. Это порядок.

Он сделал глоток, не отводя от меня взгляда. Кофе ему понравился — я поняла это по едва заметному движению бровей, хотя вслух он ничего не сказал.

— Могу я узнать ваше имя?

Вот теперь я посмотрела на него прямо.

— Касса закрывается через семь минут. Моё имя в меню не входит.

На этот раз удивление задержалось в его глазах немного дольше. Вероятно, окружающие обычно спешили представиться ему сами — желательно вместе с должностью, фамилией и перечнем услуг, которые готовы оказать.

Но спорить он не стал.

Молча допил эспрессо, поставил чашку точно в центр блюдца и сгреб сдачу в карман пальто. Потом поднялся, застегнул верхнюю пуговицу и взял ключи.

— Спасибо за кофе. Доброго вам вечера.

— Доброго вечера.

Колокольчик звякнул, и дверь за ним закрылась.

Я проводила незнакомца взглядом до верхней ступени, после чего повернула ключ в замке и погасила основной свет. Студент наконец собрал конспекты, пожилая дама спрятала остаток печенья в сумочку, а её болонка посмотрела на меня с нескрываемым разочарованием.

Через полчаса пол блестел, кофемашина была вымыта, касса пересчитана. Я заперла стеклянную дверь на два оборота и опустила наружную металлическую решётку.

На улице было сыро и почти пусто. Холодный воздух приятно остудил лицо после душного зала. До дома — пять минут через тёмный сквер: старый каменный фасад, скрипучая парадная дверь и четыре крутых лестничных пролёта.

Поднимаясь, я по привычке прислушивалась к шагам за спиной. Никого.

Только тогда плечи окончательно расслабились.

В квартире я заперла дверь на оба замка, сняла ботильоны и прошла на кухню. Электрический чайник зашумел почти одновременно с горячей водой в ванной.

После душа усталость навалилась сразу. Я натянула старый домашний свитер, шерстяные носки, налила чай в большую кружку и устроилась на диване, подтянув ноги под себя.

Телевизор вспыхнул бело-синим светом. Я лениво перебирала каналы, пока на местном выпуске новостей не увидела знакомое лицо.

Камера показывала освещённые софитами гранитные ступени префектуры. В центре плотного кольца репортёров стоял вечерний посетитель кафе. На нём были всё те же белая сорочка и безупречный тёмно-синий галстук. Сухое, строгое лицо не выражало ни раздражения, ни усталости, хотя журналисты наперебой протягивали к нему микрофоны.

Внизу экрана появилась подпись:

Арман Деверно — главный уполномоченный регионального комитета по инфраструктуре и развитию.

Вот, значит, кто сегодня пытался купить моё расположение за сорок семь евро шестьдесят центов.

Деверно отвечал на вопросы о финансировании нового городского проекта — коротко, точно, не повышая голоса. Репортёры замолкали, стоило ему чуть поднять ладонь. За его плечом терпеливо ждали двое помощников с папками и мужчина из службы безопасности.

Он явно принадлежал к тем людям, которые одним росчерком пера открывают стройки, замораживают счета и заставляют других часами ждать в коридорах.

Я сделала глоток чая.

Ни его должность, ни охрана, ни толпа журналистов не вызвали во мне особенного восторга. Я слишком хорошо знала: чем внушительнее положение мужчины, тем чаще он считает, что вместе с ним получает право распоряжаться чужим временем.

Я переключила новости на старый детективный сериал. Через несколько минут Арман Деверно и его инфраструктурные бюджеты перестали занимать мои мысли.

Он появился снова только через четыре дня, в четверг.

На часах было около половины седьмого. Дождь прекратился, но с реки тянуло промозглым туманом. В зале сидела пара у окна, а возле радиатора мужчина читал газету, время от времени смачивая палец, прежде чем перевернуть страницу.

Колокольчик звякнул.

Я подняла глаза от витрины с десертами и узнала Деверно сразу: графитовое пальто, тёмно-синий галстук, та же ровная осанка. Только сегодня в его взгляде не было вчерашней рассеянности человека, случайно заглянувшего с улицы. Он пришёл сюда намеренно.

— Добрый вечер, — произнёс он.

— Добрый, — отозвалась я, возвращая на полку поднос с выпечкой. — Двойной эспрессо?

Он едва заметно кивнул.

— И вода без газа?

— Да, пожалуйста.

Деверно занял тот же стул у края стойки и положил рядом картхолдер. Я приготовила кофе и поставила перед ним чашку со стаканом воды.

— Два евро сорок центов.

На этот раз он выложил точную сумму: две монеты по евро и две по двадцать центов. Я взглянула на деньги, потом на него.

— Быстро учитесь, месье Деверно.

В уголке его рта появилось едва заметное движение.

— Вы всё-таки знаете, кто я.

— Вальер не настолько велик. К тому же вас показывали по телевизору.

— И это ничего не изменило?

Я закрыла кассовый ящик.

— Цена эспresso осталась прежней.

Несколько секунд он смотрел на меня, словно решал, насмехаюсь я или говорю совершенно серьёзно.

Я взяла салфетку из микрофибры и принялась протирать стекло витрины. Девернопил кофе молча. Он больше не спрашивал моего имени, не пытался завязать разговор и не демонстрировал собственной важности. Однако я чувствовала его взгляд всякий раз, когда поворачивалась к стойке.

Когда чашка опустела, он поставил её на блюдец и поднялся.

— Хорошего вечера.

— И вам.

Колокольчик звякнул, дверь закрылась.

Я убрала чашку и стакан в раковину. Несмотря на себя, посмотрела сквозь запотевшее окно. Чёрный седан ждал у противоположного тротуара. Водитель открыл перед Деверно заднюю дверь, машина тронулась и исчезла за поворотом.

— Ну надо же.

Я резко обернулась.

В дверях стояла Нина.

Высокая, статная, с безупречной осанкой и привычно поднятым подбородком. Ей было пятьдесят четыре — на четырнадцать лет больше, чем мне, — но появляясь где-либо, Нина мгновенно заставляла остальных женщин вспоминать о своей причёске, маникюре и неудачно выбранной помаде. Идеальная укладка, выверенный до мелочей макияж, узкие запястья в золотых браслетах и фирменный взгляд слегка свысока.

Со стороны она казалась неприступной королевой. Я же знала, сколько мягкости и бесконечных сомнений скрывалось за этой великолепно отрепетированной маской.

Нина подошла и легко поцеловала меня в щёку, окутав тяжёлым ароматом цветов.

— Привет, дорогая. Кто этот интересный мужчина, которого только что увёз служебный автомобиль?

— Посетитель. Двойной эспresso, без сахара.

— Я заметила, что не капучино, — сухо ответила она. — Он смотрел через стекло до тех пор, пока машина не тронулась.

— Значит, хотел убедиться, что я правильно уберу его чашку.

Нина прищурилась, но расспрашивать не стала. Вместо этого оглядела почти пустой зал и неодобрительно покачала головой.

— Ты с этим кафе совсем никуда не выходишь. Так нельзя. У меня два билета в Гранд-Театр. Сегодня дают «Медею» Керубини. Ты идёшь со мной.

— Сегодня? Нина, у меня смена до восьми. Я устала и...

— Возражений не принимаю, — отрезала она и положила на стойку ладонь с крупным кольцом. — Закроешься на полчаса раньше, поднимешься к себе, наденешь нормальное платье — и пойдём. Это не обсуждается.

Мы сели за крайний столик у окна. Нина закурила тонкую сигарету, стряхивая пепел в фарфоровую розетку, и не спеша пересказала последние сплетни из верхних кварталов: кто разорвал выгодный контракт, кто купил особняк на холмах и чья дочь в третий раз провалила экзамены в колледж.

Я слушала вполуха. Когда-то фамилии, которыми она разбрасывалась, были мне знакомы. Некоторые — даже слишком хорошо. Но прежняя жизнь принадлежала другой женщине, и возвращаться к ней я не собиралась.

Допив ристретто, Нина посмотрела на часы.

— В восемь тридцать буду под твоими окнами. Не опаздывай: в девять двери ложи закроют.

Она ушла, оставив после себя аромат духов и смятую салфетку со следом тёмной помады.

Я сбросила давление пара, пересчитала кассу и щёлкнула выключателем. Тёплый свет погас, оставив витрину в полумраке.

Дома я первым делом открыла горячую воду. Зеркало в ванной быстро затянуло белым паром. Струи смывали запах молочной пены, мокрого асфальта и чужих разговоров. После десяти часов на ногах хотелось лечь и не двигаться, но Нина действительно была способна подняться ко мне и собственноручно вытащить из квартиры.

Я распахнула шкаф и некоторое время перебирала плечики. В дальнем углу висело чёрное платье из плотного матового крепа — узкое, строго по фигуре, длиной чуть ниже колена, с прямыми длинными рукавами и открытой линией ключиц. Никаких оборок, кружева или блеска. Только чистый, безупречный силуэт.

Я не надевала его почти три года.

Ткань легла по телу так, словно платье всё это время терпеливо ждало моего возвращения.

С нижней полки я достала коробку с классическими лодочками на тонком каблуке. Собрала волосы в гладкий низкий узел, подчеркнула ресницы тушью, коснулась губ матовой бежевой помадой и надела тонкие серебряные серьги.

Отражение в зеркале заставило меня на мгновение замереть.

Форменный фартук, дешёвый свитер и усталую женщину за стойкой будто стёрли одним движением. На меня смотрела та, о существовании которой Вальер не должен был догадаться.

Я первой отвела взгляд.

Надела прямое тёмное пальто, взяла небольшую лакированную сумочку и выключила свет.

Каблуки чётко постукивали по каменным ступеням подъезда. У тротуара уже урчал тёмный седан Нины. Фары прорезали влажный туман, из приоткрытого водительского окна поднималась тонкая струйка сигаретного дыма.

Площадь перед Гранд-Театром была залита золотистым светом высоких фонарей. К широким гранитным ступеням одна за другой подкатывали служебные машины и дорогие седаны. Швейцары раскрывали над гостями огромные чёрные зонты, оберегая шёлк платьев и плечи смокингов от моросящего дождя.

Нина отдала ключи парковщику, перекинула через руку норковую накидку и взяла меня под локоть.

— Держи спину. Здесь половина префектуры и весь апелляционный суд.

— У меня со спиной всё в порядке.

— Я знаю, — ответила она, бросив на меня быстрый взгляд. — Иногда ты об этом забываешь.

Внутри пахло влажным бархатом, дорогим парфюмом, воском и шампанским. Центральная люстра дробилась сотнями отражений в полированном белом мраморе. Публика медленно двигалась к парадной лестнице. Нина коротко кивала знакомым, обменивалась выверенными любезностями, но нигде не задерживалась.

Я шла рядом и ловила на себе взгляды.

К этому я тоже когда-то привыкла. Тело вспомнило быстрее разума: спина выпрямилась сама, подбородок чуть приподнялся, шаг стал спокойнее и мягче. Будто последние три года были всего лишь долгим антрактом.

Мы поднялись на бельэтаж.

У входа в губернаторскую ложу стояла группа из пяти человек. Седовласый мужчина с орденской планкой что-то негромко рассказывал двум чиновникам. Помощник держал раскрытую папку.

В центре группы стоял Арман Деверно.

Вместо графитового пальто на нём был тёмно-синий смокинг и белая рубашка с плотным воротником. В руке — бокал с минеральной водой. Здесь, среди мрамора, охраны и людей, ожидающих его внимания, он выглядел совершенно естественно. Это было его пространство, его высота, его мир.

Цокот моих каблучков раздался на верхней ступени.

Деверно повернул голову.

Его взгляд остановился на мне.

Сначала в серых глазах появилось обычное узнавание. Затем — короткое, почти незаметное недоверие. Он медленно скользнул взглядом по строгой линии чёрного платья, открытым ключицам, гладко собранным волосам и снова посмотрел мне в лицо.

Седовласый мужчина продолжал говорить. Помощник наклонился к Деверно с раскрытой папкой, но тот словно перестал их слышать.

Я шла рядом с Ниной ровным, размеренным шагом.

Когда между нами осталось несколько метров, Арман выпрямился. Не чиновник, принимающий доклад. Мужчина, внезапно обнаруживший, что женщина из полуподвального кафе совсем не та, за кого он её принял.

Я встретила его взгляд.

На одно короткое мгновение вокруг исчезли голоса, шелест платьев и музыка из оркестровой ямы. Остались только его серые глаза и опасное ощущение, будто в этот вечер мы увидели друг друга впервые.

Но я не остановилась.

Не улыбнулась. Не кивнула. Не дала ему ни малейшего повода решить, что эта встреча что-то изменила.

Я прошла мимо, не сбавляя шага, и направилась к нашему сектору.

Однако даже спиной продолжала чувствовать его взгляд.

Глава 2

Над головами мягко прозвучал третий звонок.

— Кто это был? — вполголоса спросила Нина, передавая контролёру наши билеты у дверей ложи. — Тот мужчина возле губернаторской ложи. Он смотрел на тебя так, будто ты украла у него ключи от города и забыла вернуть.

— Арман Деверно, — ответила я, входя в полумрак зала. — Он несколько раз заходил в кафе.

Нина на мгновение остановилась.

— Арман Деверно заходил к тебе за кофе?

— Дважды.

— И ты сообщаем мне об этом только сейчас?

— А когда следовало? Между сплетней о дочери нотариуса и твоим приказом надеть приличное платье?

— Хотя бы до того, как он начал раздевать тебя глазами на глазах у половины префектуры.

Я посмотрела на неё.

— Он просто удивился.

— Разумеется, — с невинным видом согласилась Нина. — Наверное, никогда прежде не видел чёрного платья.

Контролёр деликатно кашлянул, напоминая, что мы задерживаем проход. Я взяла Нину под локоть и увела к нашим местам, не дав ей продолжить допрос.

Тяжёлый бархатный занавес медленно пополз вверх. На сцене открылись аскетичные декорации античного Коринфа, выстроенные из тёмных балок и грубого камня. Оркестровая яма отозвалась резким, тревожным вступлением увертюры Керубини.

Я оперлась ладонями о плюшевый бортик.

Музыка заполняла зал — строгая, выверенная, почти лишённая сентиментальности. Когда на сцену вышла исполнительница партии Медеи и зазвучала первая ария, я перестала замечать золото лепнины, шелест программ и приглушённый кашель на соседних ярусах.

В этой музыке не было попытки сделать боль красивой. Только ярость женщины, у которой отняли слишком многое, и холодный расчёт, пришедший на место отчаяния.

Я знала это состояние.

Сначала ты плачешь и просишь. Потом пытаешься объяснить. А однажды просыпаешься и понимаешь, что внутри больше ничего не дрожит. Остаётся только ясность — спокойная, беспощадная и очень удобная.

На сцене Медея произносила клятву, а я смотрела прямо перед собой, не позволяя памяти открыть дверь, которую закрыла три года назад.

В антракте Нина потащила меня в фойе за шампанским. Вокруг снова шумела толпа, звенел хрусталь, дамы поправляли причёски перед высокими зеркалами. Официанты в белых перчатках лавировали между гостями с серебряными подносами.

Нина взяла два бокала сухого брют, один протянула мне и сразу принялась перебирать знакомые лица:

— Вон та блондинка в изумрудном — новая пассия вице-президента окружного совета. Рядом бывшая жена нотариуса из Верхнего Вальера. Кажется, они даже не здороваются. А мужчина возле колонны недавно купил виноградники к югу от города и теперь изображает потомственного винодела.

— Ты пришла слушать оперу или собирать сведения?

— Одно другому не мешает, дорогая. Хорошая опера длится три часа, а достойная сплетня живёт годами.

Я сделала глоток холодного шампанского и скользнула взглядом по фойе. Люди из губернаторской ложи стояли возле противоположной лестницы, но Деверно среди них не было.

Я отметила это машинально и тут же рассердилась на себя за то, что вообще стала искать его глазами.

— Значит, он знает, как тебя зовут? — небрежно спросила Нина.

— Нет.

— Но ты знаешь его имя.

— Его показывают в вечерних новостях. Моё имя там пока не называют.

— Пока? — мгновенно ухватилась она.

— Не придирайся к словам.

Нина прищурилась, но в зале прозвучал звонок, спасая меня от продолжения разговора.

Второй акт прошёл быстро. Финальные аккорды потонули в плотных аплодисментах. Исполнительница партии Медеи несколько раз выходила на поклон, бледная от усталости и всё ещё страшная в своём сценическом величии.

Когда занавес опустился, вспыхнул полный свет.

Мы вместе с остальными зрителями медленно спускались по широкой парадной лестнице и забрали пальто из гардероба.

— Тебе понравилось? — спросила Нина, набрасывая на плечи меховую накидку.

— Очень. Постановка прекрасная.

— Тогда почему я каждый раз должна вытаскивать тебя из дома почти силой?

Я застегнула пуговицы пальто.

— Потому что мне не нужен повод, чтобы сидеть дома.

— Иногда мне кажется, что ты решила прожить оставшуюся жизнь между кофемашиной и диваном.

— Удобный диван ещё ни разу не испортил мне вечер.

— И кофе не спрашивает, почему ты молчишь, — сухо добавила она.

Я ничего не ответила.

Нина вздохнула, полезла в сумочку за номерком от машины и кивнула в сторону выхода.

— Подожди у колонны. Я заберу машину у парковщика, иначе мы стоим здесь до полуночи.

Она спустилась к проезжей части, а я осталась на нижней ступени портика под массивным каменным карнизом. После духоты театра ночной воздух казался ледяным и чистым. Дождь снова усилился, рассыпаясь серебряной пылью в свете фонарей.

Я поправила воротник пальто и посмотрела туда, где в веренице машин должен был появиться седан Нины.

Сверху раздались размеренные шаги.

Сначала мимо прошёл начальник охраны. Следом спустились двое помощников с папками и раскрытыми зонтами. В центре группы шёл Деверно. Его смокинг скрывало расстёгнутое графитовое пальто. Один из спутников что-то говорил ему, указывая на документ, однако на повороте к ожидавшему автомобилю Арман сбавил шаг.

Его взгляд снова нашёл меня.

На этот раз между нами не было ни стойки кафе, ни мраморной лестницы, ни нескольких десятков гостей. Только мокрые ступени, тёмная улица и несколько метров холодного воздуха.

Я не отвернулась, но и не улыбнулась.

Один из сопровождающих распахнул заднюю дверь чёрного представительского седана.

— Прошу, месье Деверно.

Арман помедлил секунду. Казалось, хотел подойти или хотя бы кивнуть, однако рядом стояли помощники, охрана и люди, прекрасно знавшие его в лицо.

Он коротко попрощался со спутниками и сел в машину.

Тонированное стекло скрыло его силуэт. Седан тронулся и растворился в дождливой ночи Вальера.

Я ощутила необъяснимое облегчение.

И почти сразу — такое же необъяснимое раздражение.

К счастью, машина Нины уже выруливала к тротуару.

Прошла неделя.

Город жил своей обычной серой осенней жизнью. Я выходила на смены, принимала заказы, вытирала стойку и сверяла накладные. Дважды обедала с Ниной, покупала свежий багет и зелень в лавке за углом, а по вечерам читала на кухне под мерный шум дождя.

Арман Деверно не появлялся.

Я не ждала его. По крайней мере, именно это я говорила себе каждый раз, когда колокочник над дверью звенел чуть громче обычного.

В следующий четверг он пришёл в четверть восьмого.

Я стояла спиной ко входу, протирая металлический поддон.

— Добрый вечер. Двойной эспresso и вода без газа?

— Сегодня нет.

Я подняла глаза.

Он стоял у стойки без пальто, в тёмно-сером шерстяном пиджаке и белой сорочке с расстёгнутой верхней пуговицей. Графитовое пальто уже висело на спинке дальнего углового стула, рядом на столе лежал неизменный картхолдер.

Сегодня он явно собирался задержаться.

— Тогда что вам предложить?

— Я хочу поужинать. Что у вас есть?

Я посмотрела на часы над дверью подсобки.

— Через сорок минут мы закрываемся. Кухня почти убрана.

— Значит, у меня есть сорок минут. Что осталось?

Вот в этом весь Арман Деверно: услышать ограничение и немедленно превратить его в предоставленную возможность.

— Киш с луком-пореем и козым сыром. Тыквенный суп-пюре. Больше ничего горячего предложить не могу.

— Подойдёт и то и другое. И чёрный чай без сахара, пожалуйста.

Он направился к выбранному столу.

Я поставила суп разогреваться, отрезала ровный треугольник открытого пирога и отправила его в печь. Заварила чай в небольшом керамическом чайнике. Всё это время я ощущала его присутствие в зале — спокойное, тяжёлое, слишком заметное для человека, который молча сидел у окна.

Через пять минут я вынесла поднос, расставила перед ним тарелки, приборы на льняной салфетке, чашку и чайник.

— Приятного аппетита.

— Спасибо.

Я уже повернулась к стойке, когда его голос остановил меня:

— Вы всегда работаете по вечерам?

— Почти всегда. Со среды по воскресенье.

— Вам нравится?

— Что именно? Вечера или работа?

В серых глазах мелькнул интерес.

— Работа.

Я пожала плечами.

— Это всего лишь работа.

— И вас это устраивает?

Я посмотрела на него внимательнее. Вопрос был задан без снисхождения. Он действительно хотел услышать ответ, хотя за любопытством угадывалось привычное желание быстро разобраться в человеке и разложить его по удобным ячейкам.

— Вполне. Здесь тихо, понятно и никто не требует от меня больше, чем указано в чеке.

— Не самое честлюбивое желание.

— Честлюбие сильно переоценивают. Особенно люди, которым оно не оставляет времени спокойно поужинать.

Его взгляд стал острее.

Я подумала, что сейчас он напомнит мне о моём месте или холодно завершит разговор. Но Деверно лишь едва заметно кивнул и взял ложку.

— Возможно, вы правы.

Я вернулась за стойку и занялась кофемашиной. В почти опустевшем зале мерно позвякивал металл приборов о керамику. За окном дождь разбивался о мостовую, вода блестела под фонарями.

Через двадцать минут звякнула ложка, затем раздался негромкий скрип отодвигаемого стула.

Арман подошёл к стойке с пустыми тарелками и чайником в руках. Посуду поставил на край нержавеющей поверхности ровной стопкой — привычка человека, который даже в мелочах не выносит беспорядка.

Я выбила чек и положила его на блюдце.

— Двенадцать евро восемьдесят центов.

Он протянул двадцатиеuroвую купюру. На этот раз не предложил оставить сдачу. Я открыла кассу, но его ладонь осталась лежать на краю стойки.

— Как вас зовут?

Я взглянула на него поверх выдвинутого ящика.

— А вам зачем?

— Интересно.

— Ваши интересы обычно удовлетворяются одним запросом секретарю?

Он чуть сузил глаза.

— Обычно люди сами отвечают на такой вопрос.

— Тогда вам особенно полезно иногда встречать исключения.

Я отсчитала семь евро двадцать центов и выложила сдачу поверх чека.

— Для счёта имя не требуется.

Арман задержал на мне взгляд. Не улыбнулся и не рассердился. Только слегка склонил голову, будто признавая мой ход в партии, правил которой мы ещё не установили.

— Справедливо.

Он забрал монеты, надел пальто и вышел.

Колокольчик над дверью сухо звякнул и затих.

Во вторник, в свой единственный выходной, я вместо булочной отправилась в Главное управление территориального контроля. В руках была плотная картонная папка с синей печатью префектуры: уведомление о пересмотре права аренды нежилого помещения на площади Сен-Жюльен в связи с проверкой городского фонда.

Месье Жак, владелец кафе, уже вторую неделю почти не вставал с постели. Его больное сердце плохо сочеталось с очередями, лестницами и чиновниками, поэтому разбираться с документами пришлось мне.

Массивное серое здание управления нависало над набережной гранитными колоннами. Внутри пахло натёртым казённым паркетом, архивной пылью и дешёвым кофе из автомата.

Я провела два часа, переходя от одного стеклянного окошка к другому. Сначала меня отправили на третий этаж, потом в архивный сектор, затем вернули туда, откуда я начала.

— Мадам, в вашем реестровом плане отсутствует подпись окружного аудитора, — сухо объявила женщина в очках на тонкой цепочке. — Сектор исторической застройки курирует региональный комитет. Вам на четвёртый этаж, кабинет сорок два. Приём по предварительной записи.

— Предписание должно быть закрыто до пятницы.

— Следовало записываться раньше.

— Уведомление доставили вчера.

Женщина посмотрела на дату, поджала губы и вернула мне папку.

— Тогда ждите в приёмной. Если у главного уполномоченного появится свободное окно между совещаниями, вас примут.

На четвёртом этаже ковровин гасил шаги. Высокие дубовые двери, массивные бронзовые ручки и тишина, которой государственные учреждения любят подчёркивать близость власти.

За стойкой приёмной сидел молодой секретарь в безупречно выглаженной сорочке.

— По какому вопросу? — спросил он, не поднимая глаз от монитора.

— Проверка аренды. Площадь Сен-Жюльен, кафе на углу.

Он протянул руку. Я передала папку. Секретарь быстро пролистал бумаги, нашёл нужную страницу и нажал кнопку селектора.

— Месье Деверно, прибыл представитель объекта на площади Сен-Жюльен. Требуется решение по сроку подачи реестрового плана.

Из динамика раздался знакомый низкий голос:

— Пусть войдёт.

Секретарь поднялся, однако я уже взяла папку и сама открыла тяжёлую створку.

Кабинет оказался огромным: высокие окна выходили на серую реку, дубовые книжные шкафы поднимались до потолка, у дальней стены лежали свёрнутые архитектурные планы. В центре стоял массивный стол из тёмного полированного ореха.

Арман сидел в кресле без пиджака — в расстёгнутом жилете поверх белой рубашки с закатанными до предплечий рукавами. Перед ним лежали кипы документов, раскрытый ноутбук и чашка давно остывшего кофе.

Он поднял голову.

На несколько секунд в кабинете установилась абсолютная тишина. Наручные часы на его запястье сухо отсчитывали время. Я стояла перед ним в простом шерстяном джемпере и прямых брюках, держа папку, и по выражению его лица понимала: такого совпадения Деверно не ожидал.

— Добрый день, месье Деверно, — произнесла я. — Мне сказали, что здесь принимают решение о продлении срока.

Он медленно отложил перьевую ручку на кожаный бювар.

— Добрый день. Проходите. Садитесь.

Я приблизилась к столу, но садиться не стала. Просто положила перед ним документы.

— Требуется виза на продление срока подачи реестрового плана. Уведомление пришло только вчера, а предельная дата указана пятницей.

Арман раскрыл папку, однако прежде чем посмотреть на бумаги, поднял на меня глаза.

— Вы пришли лично.

— Владелец помещения болен. Больше этим заняться некому.

— Значит, кафе вам всё-таки небезразлично.

— Ответственность и привязанность — разные вещи.

Он опустил взгляд к документам. Я заметила, что в кабинете он выглядит иначе, чем за столиком у окна. Здесь каждое его движение было точным и естественным. Никакой показной важности — она ему не требовалась. Люди за дверью и без напоминаний знали, кто принимает решения.

Деверно быстро просмотрел верхний лист с синей печатью, сверил даты, перевернул страницу.

— Уведомление действительно направили с опозданием, — сказал он. — Это ошибка отдела реестров.

Он взял ручку, размашисто расписался в нижней графе и прижал к бумаге тяжёлый металлический штамп.

— Срок продлён на тридцать дней. За это время аудитор должен завершить проверку.

— Благодарю вас.

Я закрыла папку, забрала её и направилась к выходу.

— Элен.

Моё имя в его голосе прозвучало неожиданно близко.

Я остановилась, уже коснувшись бронзовой ручки, и обернулась.

Арман стоял, опираясь ладонями о стол. Перед ним лежала копия договора, на первой странице которой в графе ответственного лица была моя подпись.

Он всё-таки получил ответ на свой вопрос. Не от меня — от бумаги с печатью.

— Значит, Элен, — произнёс он.

— В государственных реестрах хранится много полезной информации.

— Иногда посещение кафе оказывается не менее полезным.

Наши взгляды встретились.

— До вечера четверга, — сказал он.

Это прозвучало не как вопрос и даже не как обещание. Скорее как уже принятое решение.

Я чуть приподняла подбородок.

— До свидания, месье Деверно.

И вышла, не подтверждая, что собираюсь ждать его в четверг.

Тяжёлые стеклянные двери управления захлопнулись за моей спиной. На набережной пахло рекой и мокрым камнем. Я остановилась под козырьком, достала телефон и набрала месье Жака.

В трубке долго звучали гудки, потом послышался глухой старческий кашель.

— Алло, Элен? Вы получили отказ? Мне самому надо было ехать. С моим сердцем это невозможно, но эти бюрократы...

— Срок продлён на тридцать дней, месье Жак. Печать стоит. У вас есть месяц, чтобы закончить аудит.

На том конце повисла тишина.

— Тридцать дней? Без предварительного заседания комиссии? Кто подписал?

Я раскрыла папку и посмотрела на чёткий росчерк чёрными чернилами.

— Главный уполномоченный Деверно.

— Сам Деверно?

В голосе месье Жака прозвучало такое изумление, будто мне удалось не получить подпись чиновника, а уговорить кафедрального святого сойти с витража.

— Видимо, у него было свободное окно между совещаниями.

— Элен, этот человек месяцами не подписывает ничего, пока юристы не проверят каждую запятую.

— Значит, сегодня ему хватило одной минуты.

Я закрыла папку.

— Отдыхайте. В четверг кафе откроется по расписанию.

В среду в час дня мы сидели с Ниной в бистро на набережной. Официант поставил перед нами две тарелки лукового супа и запотевшую бутылку минеральной воды.

Нина промокнула губы льняной салфеткой и кивнула на противоположный берег, где над старым складским сектором тянулись строительные леса.

— Видишь? На прошлой неделе закрыли весь квартал. Говорят, Комитет развития выкупил землю под новый правительственный комплекс. Мелких арендаторов выставили без права апелляции.

— Им выплатят компенсации.

— Ты так уверена?

— Иначе проект увязнет в судах на несколько лет. Никому это не выгодно.

Нина посмотрела на меня чуть внимательнее, но я спокойно зачерпнула суп.

— Там всем управляет Деверно, — продолжила она. — Человек, который не даёт вторых шансов. Если его имя стоит под проектом, квартал снесут, даже если владельцы лягут под экскаваторы. С такими людьми в Вальере лучше не пересекаться даже взглядом.

— Ты говорила это до или после того, как потащила меня мимо него в театре?

— Тогда я ещё не знала, что он уже несколько раз приходит к тебе за двойным эспрессо.

— Три раза. В последний он поужинал.

Ложка в пальцах Нины замерла.

— Три?

— И вчера я случайно попала к нему в кабинет по делу месье Жака.

— Случайно, — повторила она с таким выражением, будто услышала особенно неубедительную ложь.

— Представь себе.

— И что произошло?

— Он подписал продление на тридцать дней.

— Просто взял и подписал?

— Сначала прочитал документы.

Нина отложила ложку и подалась вперёд.

— Дорогая, Арман Деверно не тратит три вечера на кофе и тыквенный суп. И уж точно не ставит подписи людям, которых случайно встречает у кофемашины. Этот мужчина тобой заинтересовался.

— Это его право.

— А ты?

Я посмотрела через стекло на серые волны реки.

— А я ничего ему не обещала.

— Ты не ответила на вопрос.

— Значит, не захотела.

Нина тихо вздохнула. Её кольца стукнули о стакан.

— Только будь осторожна. Власть портит людей. Они привыкают получать всё, на что посмотрят дольше нескольких секунд.

Я снова взяла ложку.

— Именно поэтому некоторые вещи им полезно не получать.

Нина ещё несколько мгновений вглядывалась в моё лицо, а затем неожиданно улыбнулась.

— Бедный Деверно. Он пока даже не представляет, с кем связался.

Я не поддержала улыбку.

Потому что сама пока не была уверена, что собираюсь с ним связываться.

В четверг в шесть утра Вальер накрыл плотный речной туман. С противоположного берега не было видно ни складов, ни строительных кранов — только мутные пятна фонарей, растворявшиеся в молочной серости.

Я стояла у окна с чашкой кофе и смотрела, как город медленно исчезает за белой пеленой.

До открытия кафе оставалось два часа.

До половины восьмого вечера — тринадцать с половиной.

И хотя я ни за что не призналась бы в этом даже себе, время до прихода Армана Деверно я уже начала считать.

Глава 3

На старом крытом рынке пахло сырой землёй, свежей рыбой на ледяных прилавках и пряным чабрецом. Торговцы только поднимали жалюзи, перекрикивались через проходы и выставляли деревянные ящики с овощами. Под высокой стеклянной крышей ещё держался сероватый предрассветный сумрак.

Я обошла знакомые ряды, выбрала у фермера из Верхней долины две головки молодого козьего сыра, плотный лук-порей и три килограмма спелой тыквы. Проверила каждую — постучала костяшками по твёрдой кожуре и только потом разрешила сложить покупки в коробку.

У лавки обжарщика меня уже ждали три холщовых мешка с зерном сильной обжарки.

— Всё как обычно, мадам Элен, — сообщил хозяин, вытирая ладони о фартук. — Смесь из Бразилии и Эфиопии. Обжаривал вчера вечером.

Я развязала один мешок, зачерпнула несколько ещё маслянистых зёрен, перекатила их в ладони и поднесла к лицу. Запах был глубоким, терпким, с едва заметной горечью какао.

— Подойдёт.

Хозяин погрузил коробки в багажник моего старого хэтчбека. Машина выглядела невзрачно даже рядом с фургонами поставщиков, но исправно заводилась в любую погоду и никогда не задавала вопросов о моём прошлом. Для меня это было важнее блестящего кузова и дорогой эмблемы на капоте.

К семи утра я уже поднимала наружную решётку кафе. Металл загремел, впуская в полуподвальное помещение холод и запах мокрого камня.

Включились кофемашина и печь. На кухне зашуршала бумага накладных. Я разложила продукты, проверила вчерашнюю выпечку, замесила основу для нового киша и поставила тыкву запекаться. К восьми, когда всё было готово к открытию, у входа появились первые служащие с поднятыми воротниками пальто.

День набрал скорость почти сразу.

К полудню кафе наполнилось голосами. Студенты юридического колледжа спорили над конспектами, две женщины у витрины выбирали малиновые тарты, клерки из соседних учреждений забирали кофе с собой. Кофемашина не умолкала ни на минуту. Мелькали чашки, шипел пар, звенели монеты, на тёмной поверхности капучино распускались белые молочные узоры.

Мне нравились часы, когда работа не оставляла времени на посторонние мысли.

Но несколько раз за день я всё же посмотрела на часы.

Не потому, что ждала Армана Деверно. Я просто привыкла следить за временем.

Именно так я объясняла это себе.

К семи вечера зал начал пустеть. Ушли последние посетители с газетами, студенты собрали конспекты. За окнами сгущался ранний осенний сумрак.

Я взяла влажную салфетку и подошла к дальнему столу у окна. Протёрла деревянную поверхность, выровняла солонку и перечницу, поправила стул.

Ладонь задержалась на его спинке. Я сразу же убрала руку. Глупость какая.

За окном моросил дождь. Фары редких машин размывались на стекле длинными жёлтыми полосами. Я повернулась к залу спиной и пошла промывать портафильтр.

Колокольчик над дверью сухо звякнул.

Я не обернулась сразу. Сначала закончила промывать металл, стряхнула воду и только потом подняла глаза.

Арман снимал графитовое пальто. Повесив его на латунный крючок, он неторопливо прошёл через пустой зал к своему угловому столику. Сел, положил на дерево картхолдер и посмотрел на меня.

Я уже доставала с подогрева толстостенную чашку.

— Двойной эспresso и вода без газа?

— Да.

Обычный заказ. Обычный посетитель. Так следовало воспринимать его, несмотря на служебную машину, кабинет с видом на реку и то, что с самого утра я невольно отсчитывала часы до половины восьмого.

Щёлкнул замок гриндера. Темпер с глухим стуком прижал свежий помол. Кофемашина загудела, и в чашку потекла плотная тёмная струя, покрываясь ореховой пенкой. Я наполнила гранёный стакан водой из графина, поставила всё на круглый поднос и вышла из-за стойки.

Каблуки негромко постукивали по каменным плитам. Я расставила перед ним чашку и стакан.

— Пожалуйста.

— Спасибо, Элен.

Имя легло между нами спокойно, почти буднично. Но мне не понравилось, насколько естественно оно прозвучало в его голосе — словно он произносил его уже давно.

Я сделала шаг назад.

— Вы свободны в воскресенье? — спросил он.

Я остановилась вполоборота. Низкий абажур оставлял верхнюю часть его лица в мягкой полутени. Руки лежали на столе, на манжете сорочки тускло блестела платиновая запонка.

— Зачем?

— Хочу пригласить вас поужинать.

Никакой суетливости, заученных комплиментов или неловкой улыбки. Он делал предложение так же, как, вероятно, озвучивал решение на заседании: прямо и без сомнений в том, что его услышат.

За стеклом равномерно шумел дождь.

— Спасибо, но нет.

Взгляд Армана не изменился.

— У вас уже есть планы?

— Теперь есть.

— Какие?

— Не ужинать с вами.

Несколько секунд в кафе стояла полная тишина. За моей спиной слабо шипел остывающий бойлер.

— Вы всегда так категоричны? — спросил он.

— Когда знаю, чего не хочу, — да.

На этот раз в его взгляде мелькнуло что-то похожее на досаду. Не обида и не злость — скорее непривычное сопротивление обстоятельству, которое невозможно отменить подписью.

Он едва заметно качнул головой.

— Я понял.

Я вернулась за стойку, взяла льняное полотенце и принялась вытирать рабочую поверхность. За дальним столиком фарфоровая чашка негромко коснулась блюда.

Арман не повторил приглашение. Не стал спрашивать о причинах или предлагать другой день. Он допил кофе, оставил точную сумму и ушёл, пожелав мне хорошего вечера.

И всё же, когда за ним закрылась дверь, воздух в кафе сделался каким-то слишком пустым.

В воскресенье после полудня над старыми кварталами Вальера стоял плотный туман, пахнувший мокрым известняком и прелой листвой.

До начала смены оставался час, и я зашла в букинистический пассаж на улице Сен-Мерри. Под длинным жестяным навесом было почти безлюдно. Деревянные лотки с потёртыми книжными корешками тянулись вдоль глухой стены бывшего монастыря. Где-то в глубине старый продавец листал газету, изредка покашливая.

Я медленно перебирала пожелтевшие тома, наслаждаясь тишиной и перестуком капель по крыше. Среди исторических хроник обнаружилось старое издание Мопассана. Я раскрыла книгу, проверила сохранность страниц и уже собиралась спросить цену, когда на раскладку упала чужая тень.

Я повернула голову.

Рядом стоял Арман.

Без строгого костюма и галстука он выглядел моложе и одновременно опаснее — меньше походил на телевизионного чиновника, больше на мужчину, который пришёл сюда по собственной воле. Тёмно-синий шерстяной свитер подчёркивал ширину плеч, кожаная куртка была растёгнута. В руках он держал небольшую книгу в тканевом переплёте.

— Вы ищете что-то конкретное? — спросил он, будто наша встреча была случайной.

— Нет. Просто смотрю.

Я вернула Мопассана на место.

— Часто бываете здесь?

— Иногда.

— Значит, сегодня мне повезло.

Я посмотрела на него внимательнее.

— Вы тоже случайно решили провести воскресенье среди старых книг?

Арман аккуратно закрыл том и положил его на лоток.

— Я мог бы сказать, что случайно.

— Но это было бы неправдой.

— Да.

Прямой ответ обезоруживал сильнее, чем любая придуманная им история. По крайней мере, он не пытался изобразить счастливое совпадение.

— Я не привык тратить время на долгие предисловия, Элен, — продолжил он, глядя мне в глаза. — Вы очень красивая женщина. Но дело не только в этом. Мне интересен разговор с вами за пределами вашей стойки.

Его тон был лишён дешёвого заигрывания. Это было взрослое, открытое признание человека, который знал цену собственным словам и редко произносил их без цели.

Я застегнула верхнюю пуговицу пальто.

— Комплимент приятен, месье Деверно. Но женская привлекательность — слишком шаткий повод менять свои планы.

— Даже если интерес искренний?

— Особенно в этом случае.

На его губах промелькнула сдержанная полуулыбка — не насмешливая, скорее оценивающая.

— Вы не доверяете искренности?

— Я не доверяю людям, которые уверены, что их интерес должен автоматически стать взаимным.

Ответ попал в цель. Улыбка исчезла.

Я убрала руки в карманы и сделала шаг к выходу из-под навеса.

— Хорошего воскресенья, месье Деверно.

— До четверга, Элен.

— Я не обещала, что вы получите кофе.

— Но кафе будет открыто.

— Это ещё не приглашение.

Я вышла под моросящий дождь, не оглядываясь. До работы было десять минут пешком. Всё это время меня не оставляло неприятное ощущение, что Арман слишком быстро научился находить меня там, где я не ожидала его увидеть.

Ровно в два часа я открыла кафе для дневной смены.

Первые два часа прошли спокойно. Потом колокольчик над дверью звякнул резко, с металлическим дребезгом.

В зал вошли трое.

Впереди шёл плотный мужчина в распахнутом сером пальто с кожаной папкой под мышкой. За ним — двое сотрудников муниципальной полиции. Немногочисленные посетители замолчали и повернули головы.

— Администрация округа, отдел градостроительного контроля, — громко объявил мужчина. Подойдя к стойке, он шлёпнул на дерево бланк с красной полосой. — Распоряжение о немедленной приостановке коммерческой деятельности. Здание признано аварийным в рамках программы реконструкции. Посетителям надлежит освободить помещение.

Я взглянула на бланк, не прикасаясь к нему.

— У заведения действует отсрочка предписания на тридцать дней. Срок истекает через три недели.

— Отсрочка аннулирована чрезвычайным распоряжением префектуры от сегодняшнего числа, — отрезал чиновник и вытащил рулон жёлтой ленты с гербом города. — Выходите из-за стойки. Мы печатаем вход.

— Покажите оригинал распоряжения.

— Перед вами копия.

— Без номера регистрации, подписи главного уполномоченного и отметки канцелярии. Такая бумага не имеет исполнительной силы.

Мужчина впервые посмотрел на меня по-настоящему. Видимо, не ожидал услышать это от женщины в фартуке.

— Я не обязан отчитываться перед обслуживающим персоналом.

— Обязаны. Перед любым представителем арендатора, если собираетесь приостановить его деятельность.

Он побагровел.

— Офицеры, освободите зал.

Один из полицейских неловко шагнул к столикам.

— Господа, покиньте заведение, пожалуйста.

Студенты у окна начали собирать сумки. Женщина возле витрины поднялась, оставив деньги рядом с недопитой чашкой.

Я обошла стойку и встала в проходе перед входной дверью.

— Вы не печатаете кафе без судебного пристава и подписанного акта. Если считаете здание аварийным, предъявите заключение технической комиссии и обеспечьте присутствие владельца либо его законного представителя.

— Вы препятствуете исполнению служебных обязанностей, — процедил инспектор. — Офицер, уберите её от двери.

Полицейский приблизился, протягивая руку к моему плечу.

— Мадам, не усложняйте...

Дверь за моей спиной открылась.

Сквозняк поднял край жёлтой ленты. В кафе вошёл Арман Деверно.

На нём были строгое тёмное пальто и чёрный костюм. За стеклом, у тротуара, работал на холостом ходу представительский седан с правительственными номерами. Водитель ждал возле капота под зонтом.

В зале стало тихо.

Полицейский опустил руку. Инспектор в сером пальто побледнел и невольно втянул голову в плечи.

Арман коротко взглянул на меня, словно убеждаясь, что ко мне не успели прикоснуться. Затем прошёл вперёд и остановился перед чиновником.

— По какому распоряжению вы здесь, Моро?

Говорил он негромко, но голос заполнил всё пространство кафе.

— Месье главный уполномоченный... Мы действуем по представлению дирекции строительного консорциума. Аварийный статус фасада, пункт сорок семь...

— Пункт сорок семь требует моей подписи и заключения технической комиссии. Что из этого у вас есть?

Моро открыл папку, начал перебирать листы.

— Нам сообщили, что согласование будет оформлено позднее.

— Кто сообщил?

— Представитель фонда реконструкции.

— Фамилия.

Моро промолчал.

Арман взял со стойки красный бланк, быстро просмотрел его и сложил пополам.

— Вы пытались закрыть действующее заведение на основании незарегистрированной бумаги частного фонда.

Он достал телефон и набрал короткий номер.

— Соедините меня с комиссаром Лебренем. Срочно.

Отвечили почти сразу.

— Лебрен, у меня в Нижнем секторе двое ваших сотрудников участвуют в попытке опечатать коммерческое помещение по документу с сомнительной подписью. Проверьте распоряжение и отзовите их, если основания не подтвердятся. Документы я передам в канцелярию.

Он выслушал ответ, закончил разговор и набрал другой номер.

— Финансового контролёра, пожалуйста. Нужно проверить основания ближайшего бюджетного перечисления фонду реконструкции правого берега. До выяснения подлинности этих бумаг я его не согласую. По остальным операциям направьте материалы в инспекцию: это уже её компетенция.

Он завершил вызов.

— У вас две минуты, Моро, чтобы покинуть помещение. И до девяти утра, чтобы представить мне письменное объяснение.

Полицейские переглянулись и почти одновременно направились к выходу. Инспектор судорожно собрал бумаги, схватил рулон ленты и поспешил следом, задев бедром стул.

Колокольчик над дверью звякнул и затих.

В кафе остались два посетителя, прижавшиеся к дальним столикам, Арман и я.

Он расстегнул верхнюю пуговицу пальто и подошёл к стойке.

— Двойной эспрессо, Элен. И вода без газа. Если вы ещё открыты.

Я несколько секунд смотрела на него. Потом вернулась за стойку, взяла холдер и включила гриндер.

Гул кофемашины заполнил напряжённую тишину. Через минуту перед Арманом стояли чашка с плотной ореховой пенкой и стакан воды.

Он сделал глоток, но не сел.

— Мой секретариат получил копию утреннего реестра сорок минут назад, — объяснил он. — Я мог остановить Моро из кабинета. Но решил приехать.

— Чтобы спасти меня?

— Чтобы увидеть, как вы будете защищать это место.

— И как вам представление?

— Вы знали процедуру лучше инспектора.

— Не слишком высокая планка.

Он впервые позволил себе короткую усмешку.

— В этом квартале скоро станет шумно. Консорциум не отступит после одной неудачной попытки. Они найдут другой рычаг.

— Месье Жак предоставит акты проверки, когда вернётся. Если появятся новые инспекторы, я потребую надлежащее распоряжение и обжалую его в окружном суде.

— Вы говорите так, будто уже делали это раньше.

Пальцы на мгновение сильнее сжали полотенце.

— Я умею читать документы.

Арман заметил мою реакцию, но не стал задавать следующий вопрос.

— Вы тратите много сил на то, что можно решить одним звонком, — сказал он.

— Вашим звонком?

— Например.

— Я привыкла рассчитывать на себя и на законы, которые должны действовать для всех одинаково. Чужое покровительство обходится слишком дорого. Всегда.

— Вы уверены, что я потребую плату?

— Люди вашего положения почти никогда не делают ничего бескорыстно. Иногда они просто не сразу называют цену.

Он медленно поставил чашку на блюдце. Взгляд стал тяжёлым и внимательным, но обиды в нём не было.

— Вы редкая женщина, Элен.

— Я просто женщина, месье Деверно.

Арман достал портмоне и положил на стойку точную сумму.

— До четверга.

— До свидания.

Он ушёл. За дверью хлопнула дверца седана, двигатель набрал обороты, и машина скрылась за углом.

Я вымыла его чашку, насухо вытерла и поставила на нагреватель.

Рабочий день продолжался.

В восемь вечера я заперла входную дверь. Металлическая решётка с лязгом опустилась, отделяя тёмный зал от улицы. Я застегнула пальто, обмотала шею шарфом и повернула к набережной.

Чёрный седан стоял на противоположной стороне площади под неработающим фонарём.

Двигатель тихо урчал, выпуская в сырой воздух белёсый пар.

Я остановилась.

Едва сделала первый шаг, задняя дверь автомобиля открылась. Деверно вышел на тротуар — без зонта, в расстёгнутом пальто, с руками в карманах. Перешёл дорогу и молча поравнялся со мной.

— Вы ждали меня? — спросила я.

— Да.

Снова честный ответ, который раздражал сильнее придуманной случайности.

— Зачем?

— Хотел проводить.

— Я не просила.

— Знаю.

Мы прошли мимо закрытых лавок. Наши шаги гулко отражались от каменных стен. Арман держался рядом, подстраиваясь под мой темп, не пытаясь взять под руку или сократить расстояние. Но само его присутствие возле меня уже было вторжением, на которое я не давала согласия.

У лестницы, ведущей к моему дому, я резко остановилась и повернулась к нему.

Дождь оседал на тёмных волосах и плечах его пальто.

— Что вам от меня нужно, месье Деверно?

Он остановился в шаге. В полумраке переулка его взгляд был цепким и совершенно трезвым.

— Я не привык ходить кругами, Элен. Вы поразили меня — своей собранностью, достоинством, тем, как держитесь. Я заметил вас в кафе. В театре понял, что ошибся в первом впечатлении. А с той минуты, как вы вошли в мой кабинет, мне трудно выбросить вас из головы. Я не намерен притворяться, будто этого нет.

— И что я должна сделать с вашим признанием?

— Дать мне возможность узнать вас.

— Я уже ответила отказом.

— Один ужин ничего бы у вас не отнял.

— Вы ошибаетесь. Он отнял бы мой вечер, который я не хочу вам отдавать.

Лицо Армана застыло. Не думаю, что с ним часто разговаривали подобным образом.

Я выдержала его взгляд.

— Возможно, я не только на вас так влияю. Но это исключительно ваша проблема, месье Деверно. И жить с ней тоже вам. Не мне.

В тишине переулка с карниза тяжело падали капли. В глубине его глаз мелькнуло что-то тёмное — не ярость, а азарт человека, впервые встретившего закрытую дверь.

— С этим трудно спорить, — произнёс он после паузы. — Доброй ночи, Элен.

Он не пошёл за мной дальше.

Я поднялась по лестнице, чувствуя его взгляд между лопаток, но не обернулась. Внизу хлопнула дверца автомобиля.

На четвёртом этаже я открыла квартиру, вошла и сразу повернула оба замка. Металл щёлкнул, отрезая лестницу, улицу и сырой город.

Только сняв мокрые ботильоны, я оперлась спиной о дверь и медленно выдохнула.

Он ждал меня возле работы.

Сидел в служебной машине до закрытия, а потом пошёл следом, словно его желание поговорить давало ему право вторгаться в мой вечер.

Внутри поднималась холодная, злая волна. Я не давала ему повода. Ни лишней улыбки, ни прикосновения, ни обещания. Между нами всё время оставалась чёткая дистанция — стойка, стол, несколько шагов мокрой мостовой. Но влиятельный мужчина уже решил, что может эту дистанцию сокращать.

Я прошла на кухню, зажгла только лампу над плитой и наполнила медный чайник. Спичка вспыхнула в пальцах, газ загорелся ровным синим кругом.

В квартире стояла тишина. Пахло лавандовым мылом, старым паркетом и сухим чабрецом в глиняной банке.

Моя тишина.

Мой дом.

Моя дверь, которую никто не имел права открывать без разрешения.

Когда-то всё начиналось именно с заботы. С желания встретить после работы, узнать, где я нахожусь, избавить от неприятных разговоров и решить одним звонком то, на что у других

уходили месяцы. Потом забота незаметно превратилась в контроль. Вопросы — в требования. Помощь — в долг, который невозможно выплатить.

Я слишком хорошо помнила чужие звонки с приказом отчитаться, почему задержалась на десять минут. Сообщения посреди рабочего дня. Совместные счета, где каждая цифра становилась поводом для допроса. Человека, называвшего ревность любовью, а клетку — безопасностью.

Право на эту кухню, эту тишину и собственное дыхание я выгрызла зубами.

И никакой Арман Деверно — каким бы влиятельным, красивым и настойчивым он ни был — не получит их только потому, что однажды решил выпить кофе перед закрытием.

Чайник засвистел.

Я сняла его с огня и налила кипяток в чашку. Руки оставались спокойными.

Но, проходя мимо тёмного окна, всё же остановилась и осторожно отодвинула край занавески.

Внизу, у противоположного тротуара, уже не было ни служебного седана, ни мужского силуэта.

Арман действительно уехал.

Почему-то это не принесло ожидаемого облегчения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.